

ЭКОЛОГИЯ, ЭКОНОМИКА И ПРАВО

В.И. ЕРМОЛОВИЧ

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЧЕХИИ (ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ)

Формы феодальной собственности. Земельная собственность и складывающиеся вокруг нее имущественные отношения явились основой для формирования гражданско-правовых отношений в средневековой Чехии. Изначально право средневековой Чехии знало два вида собственности: “дедину”, т.е. собственность, полученную по наследству, и “выслугу”, т.е. собственность, полученную за службу. Характерной особенностью для обоих видов собственности было то, что владельцами ее могли быть только представители господствующего класса — феодалы. В конце XI в. почти все слои чешского крестьянства оказались зависимыми от князя, панов, рыцарей, духовенства. Вследствие этого право распоряжения землей было ими утеряно.

Феодал, владевший унаследованной собственностью на правах “дедины”, был независим от условий службы, не терял свою землю при смене на троне государя и мог передать ее по наследству даже в тех случаях, когда у него не было сына.

Утрата феодальной “дедины” могла иметь место только в том случае, если ни один из тех, кто имел на нее права, не оставался в живых. Тогда вступало в силу право (*odúmtří*), по которому выморочное феодальное имущество переходило к королю.

Феодал, владевший собственностью на правах “выслуги”, в отличие от “дедины” не мог свои земли отчуждать, если на этот счет не было оговорок в акте пожалования. В нем указывалось, на каких условиях дается “выслуга”: пожизненно, с переходом сыну или внуку и т.п. Возникновение права на “выслугу” у членов семьи получателя напрямую зависело от акта пожалования. До принятия Статута Конрада Оттона считалось, что пожалования за службу должны возвращаться назад к дарователю (государю).

С конца XII в. в Чехии начинается процесс изживания “выслуги” путем постепенного устранения различий между родовой вотчиной и пожалованным имением за службу. Серьезным доводом в пользу этого является ст. 1 Статута Конрада Оттона, постановившая, что недвижимость (*omes hereditates*), которой чешское дворянство как высшее, так и низшее, законно и спокойно владело во времена правления Конрада Оттона Зноймского (1186—1192), должна принадлежать ему и в дальнейшем [1, 67].

В “уравнивании” “выслуги” и вотчинной собственности (*proprietas at dominium*) были заинтересованы не только представители мелкого и среднего дворянства (шляхта), но и многие паны (магнаты), имевшие помимо “дедин” и значительные условные держания.

Таким образом, земельная собственность панов и рыцарей слагалась из разнообразных по своей юридической природе элементов родовых, т.е. унаследованных и купленных земель, относительно которых собственник имел право полного владения и распоряжения. В пользу этого свидетельствуют и многочисленные документы о совершаемых сделках купли-продажи недвижимости, которые в конце XII в. стали обычным делом.

Предметом купли-продажи являлись земельные владения (пашни, леса, луга), различные жилые и хозяйственные строения и т.д. В роли сторон договорных отношений выступали князья, паны, рыцари, монастыри и представители высшего духовенства. Документы, удостоверяющие сделки купли-продажи, весьма точно указывают границы земельных владений, суммы денег, уплаченные при покупках, и другие детали.

Распространенным явлением в гражданско-правовых отношениях средневековой Чехии был договор дарения, особенно в пользу церквей, монастырей, в пользу феодальной знати.

Наиболее простым и распространенным средством закрепления факта продажи, дарения, мены и других видов сделок с феодальной собственностью было присутствие свидетелей. Они фигурируют во многих документах (купчих грамотах), заканчивающихся традиционным — свидетели. Между тем в период средневековья в Чехии действовали и иные средства обеспечения права собственности, одним из которых считался заклич, существовавший в виде объявления на рынке о заключенной сделке.

Заклич мог касаться любой сделки, в том числе купли-продажи, мены и т.д. Столь же древним следует признать и ввод во владение, связанный с участием жителей села и его околлиц. С утверждением феодальных отношений в чешском средневековом обществе его применение распространялось на крестьянские земельные владения. Спорящие из-за межи стороны могли избежать суда, доверившись решению крестьян-старожилов, знающих и помнящих то, “как было” в старое время.

В отношении шляхетской поземельной собственности обычными процедурами, сопровождавшими ее переход из рук в руки, были объезд границ и установление межевых знаков. Об этом объявлялось на дворянских съездах.

Обязательственные правоотношения фигурируют в чешских средневековых источниках крайне редко. Наиболее распространенными из них были отношения, возникавшие из договора займа. Как и в других феодальных государствах, заем в Чехии был важнейшим средством обезземеливания и закрепощения крестьян. Чешские средневековые источники называют среди зависимых крестьян и категорию “закупней”, выступающих обычно в латиноязычных грамотах под термином “*appretiatii*” и “*pretio introducti*”. По статусу данная категория лиц, являясь неоплаченными должниками, потеряла свое имущество и свободу.

Развитие производительных сил и производственных отношений в недрах чешского средневекового общества объективно привело к количественному и качественному росту институтов права собственности. Право собственности, начиная уже с XI в., стало разграничиваться на недвижимое (например, основные средства производства — землю) и на движимое имущество. Так, ст. 26 Статутов Конрада Оттона гласит: “...если кто вызван в суд из-за своего имущества, движимого или недвижимого, это имущество, о котором он спорит, пусть не берет во владение ни судья, ни владарь господина земли, но только тот, кто из-за этого имущества вызван, пусть им спокойно владеет, пока это разбирательство не закончится решением” [2, 834]. Из указанной юридической нормы следует, что имущество уже на практике и правовых источниках классифицировалось на движимое и недвижимое. Хотя сам термин “собственность” (*vlastenství*) получил практическое применение в 1407 г. [3, 122].

Длительное время монополией на землю обладали только феодалы, хотя позже данной привилегии были удостоены и горожане. Право поземельной собственности горожан было связано с земельными участками в городах и его окрестностях. Ликвидацию ограничений в отношении земельной собственности горожан Чехии большинство исследователей связывают с событиями гуситского движения XV в. Именно в этот период горожане крупных городов страны добились исключительного права как для города (в качестве юридического лица), так и для полныхправных горожан, приобретать “свободные поместья” (аллоды).

Право собственности на движимое имущество не было столь различным для классов, сословий и социальных групп населения, как право собственности на землю. Правом собственности на движимое имущество обладали все слои населения, как привилегированные, так и непривилегированные.

Субъекты гражданско-правовых отношений. Анализ источников права средневековой Чехии позволяет утверждать, что чешский законодатель знал и различал на практике понятия “физическое” и “юридическое лицо”. Важнейшей чертой физического лица является правоспособность — установленная законом возможность для лица быть носителем определенных прав и обязанностей. Условием полной правоспособности физического лица в средневековой Чехии была личная свобода, совершеннолетие, принадлежность к мужскому полу и безупречная нравственность. Причиной утери безупречной нравственности были внебрачное происхождение, бесчестье, которое нередко связывалось с профессиональной деятельностью физического лица. Бесчестными по профессии в средневековой Чехии считались палачи, живодеры, проститутки, а также лица без постоянного занятия, т.е. бродяги. Бесчестьем, которое вело к утрате нравственности, считались определенные виды наказаний (например, выставление лица к позорному столбу).

Лицо, утратившее безупречную нравственность, не имело права занимать официальные должности, не могло выступать свидетелем в суде и при заключении правовых актов, быть опекуном над сиротами и членом цеха.

Дееспособность в средневековом чешском праве сводилась к способности физического лица совершать правовые сделки. В области имущественного и процессуального права женщины имели одинаковые права с мужчинами. Ограничения, затрагивавшие женщин, касались прежде всего публичного права (они не могли занимать официальные должности), а также их положения при наследовании родового имущества, если в семье были совершеннолетние мужчины.

При этом следует иметь в виду, что до XVI в. чешское земское право уклонялось от определения совершеннолетия с помощью четко установленных законом возрастных границ. Совершеннолетие определялось исходя из индивидуальных критериев физического развития. Его признаками для мужчин были усы, а для женщин — грудь. В каждом конкретном случае совершеннолетие устанавливалось земскими урядниками. Так, в Чехии согласно земскому уложению 1549 г. шляхтичи-сироты признавались совершеннолетними в возрасте 20 лет. В Моравии пан считался совершеннолетним в возрасте 16 лет, а женщина — в 14 лет; лицо, принадлежащее к рыцарскому сословию — в 17 лет, а женщина — в 15 лет; зависимый человек мужского пола — в возрасте 18 лет, а женщина — в 16 лет [3, 212], т.е. даже возраст совершеннолетия зависел от сословной принадлежности лица!

Понятие “юридическое лицо” было известно законодателям средневековой Чехии, так как субъектами чешского права были семья, община, церковь, цехи ремесленников и город. Об этом свидетельствует, например, несколько юридических фактов. Ст. 297 Рожмберской книги гласит: “Общинную землю нельзя распахать вместе с дединой, хотя и больше соседей имеет (купивший), чем тот, который продал, потому что сосед имеет такое же право и может не допустить распахания” [4, 109]. Значит, свою долю общинной собственности нельзя продать либо использовать по собственному усмотрению, поскольку общинная земля принадлежит всем соседям. Из этого следует, что община являлась таким же субъектом права, как церковь, город, феодал и король.

Личность как физическое лицо в средневековой Чехии крайне редко становилась собственником имущества. Это случалось только тогда, когда умирали все родственники. Согласно ст. 17 законов Конрада в случае отсутствия сыновей и дочерей наследство должно было переходить к другой группе наследников. При этом следует иметь в виду, что по вопросу о круге наследников между чешской шляхтой и королевской властью длительное время велась борьба. Паны и владыки стремились расширить круг законных наследников. И нередко добивались в этом вопросе успехов. Так, в начале XIV в. при Яне Люксембургском была выдана специальная королевская грамота, согласно тексту которой, если шляхтич не имел ни мужских, ни женских наследников и если он при жизни не сделал распоряжения о своем имуществе, его имущество наследовали мужские и женские родственники до четвертого колена [5, 180]. Если сравнить записи из земских досок, решения о порядке наследования из Статутов Конрада Оттона и грамоты Яна Люксембургского, то достаточно точно прослеживается тенденция, что шляхта непрерывно боролась за расширение своих наследственных прав, а королевская власть пыталась их ограничить. При этом в законнике короля Карла I (*Majestas Carolina*) со ссылкой на ранние записи в земских книгах ясно рассматривается вопрос о праве наследования в интересах королевского домена: отныне наследовать могли только законные дети. В остальных случаях передача имущества и запись об этом в земских досках следовала строго фиксированным правам.

Наличие юридического лица в чешском праве содействовал и существовавший издревле институт “недила” (*nedil*), сущность которого по чешскому средневековому праву сводилась к следующему: разные люди, как находящиеся, так и не находящиеся между собой в родственных отношениях, могли вступать в “недил” или в “общность” владения имуществом. Члены одного “недила” назывались “общинниками” (*společníci*). Рожмбергская книга рассматривает этих общинников как одно юридическое лицо [6, 51]. Российский исследователь Г.Э. Санчук на основе анализа чешских земских книг пришел к выводу, что такие общинники являлись сонаследниками [7, 61]. Эта “неразделенность”, “общность”, или “*nedil*”, называется в земских книгах также термином “*unio*” или “*spolec*”. Главным признаком “недила” или “*unio*” являлись общность доходов и расходов, хотя лица могли жить в разных местах. Чешские феодалы (паны, владыки), вступая в имущественный “недил”, стремились сохранить право на имущество в широком смысле: выступая в качестве членов “недила”, они сохраняли равные права на все имущество в случае смерти кого-либо из членов “недила”. Такая мера была средством борьбы против королевского права на выморочное имущество. В заключении “недила” были заинтересованы особенно те лица, которые не имели законных наследников и желали передать имущество дальним родственникам или знакомым. Институт “недила” призван был гарантировать имущество подобных лиц от притязаний королевской казны.

Церковь в средневековой Чехии также являлась юридическим лицом, крупнейшим собственником. В пользу этого красноречиво свидетельствует текст ст. 3 Четырех Пражских статей [8, 214]. Однако возникает вопрос, считал ли чешский средневековый законодатель церковь юридическим лицом как единую организацию общегосударственного характера или следует рассматривать отдельные церковные приходы и монастыри как самостоятельные субъекты права? В тексте ст. 99 “О монастырском имуществе” Законника короля Карла I мы находим ответ на поставленный вопрос. В нем указано, что “...каждый аббат, пробст или другое духовное лицо королю или пану своему, от которого держит землю, после смерти прежнего короля или пана в течение одного года и одного дня должен заявить о своем имуществе и дединах и получить подтверждение в бумагах”. Следовательно, есть веские основания считать, что чешский средневековый законодатель предполагал обособленное имущество церковных приходов и монастырей. Представителем монастыря как юридического лица был аббат, в масштабе чешского средневекового государства интересы церкви как юридического лица представлял архиепископ Пражский.

Литература

1. Prameny k dějinám státu a práva v Československu. Praha, 1959.
2. Statuta ducis Ottonis secundum confirmationem provinciae brunensi datum 1229 // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / Под ред. акад. В.М. Корецкого. М., 1961.
3. Ванечек В. История государства и права Чехословакии. М., 1981.
4. Brandl V. Kniha Rožmberská. Praha, 1872.
5. Palacký F. Dějiny naroda českého v Čechách a v Moravě. Díl. VI. Praha, 1898.
6. Kniha Rožemberga // Archiv Český. Díl. II. Praha, 1840.
7. Санчук Г.Э. Положение феодалов и крестьян по законнику чешского короля Карла I // Источники и историография славянского средневековья: Сб. статей и материалов. М., 1967.
8. Archiv Česky. Díl. III. Praha, 1844.

Г.Н. ГУЩА

ОБЪЕКТЫ ЛИЗИНГОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

В соответствии с действующим Положением о лизинге на территории Республики Беларусь в договоре должно быть предусмотрено, что согласно заявлению лизингополучателя лизингодатель обязуется оплатить и приобрести для последующей передачи лизингополучателю во временное владение и пользование выбранное им имущество [1]. Определение объекта лизинга является существенным условием, без которого сделка считается недействительной.

В соответствии с Гражданским кодексом Республики Беларусь (ГК РБ) предмет договора лизинга могут быть любые непотребляемые вещи, используемые для предпринимательской деятельности, кроме земельных участков и других природных объектов [2, ст. 637].

Таким образом, объектом лизинговых правоотношений может быть любой вид материальных ценностей, если он не уничтожается в производственном процессе (т.е. не подвергается в процессе производства какой-либо обработке или переработке, в результате которых полностью или частично утрачивает натурально-вещественную форму), а также любая вещь, которая не теряет натуральных свойств в процессе ее использования.

Это требование связано с тем, что согласно ст. 593 ГК РБ [2] при прекращении договора аренды арендатор обязан вернуть арендодателю имущество в том состоянии, в котором он его получил (с учетом нормального износа).

Согласно Положению о лизинге на территории Республики Беларусь его объектом может быть любое движимое и недвижимое имущество, относящееся по действующей классификации к основным фондам, а также программные средства и рабочие инструменты (стоимостью выше 10 базовых величин или до 10 базовых величин, но со сроком службы свыше одного года), обеспечивающие функционирование переданных в лизинг основных фондов (подп. 2 п. 1) [1]. В отличие от ГК РБ здесь дано указание на определенные стоимостные ограничения объектов лизинга, а это противоречит Гражданскому кодексу, предусматривающему более широкий выбор имущества для сдачи в лизинг. Представляется, что определение объекта лизинга, содержащееся в Положении о нем, не должно применяться в